Литературная АМЕРИКА

2016 • АЛЬМАНАХ • 2017

АВСТРАЛИЯ • РУМЫНИЯ • ИСПАНИЯ • АМЕРИКА • АНГЛИЯ • МЕКСИКА • АМЕРИКА • АНГЛИЯ • МЕКСИКА • РОССИЯ • КАНАДА • МАРОККО • КАЗАХСТАН

Проза • Стихи • Публицистика • Проза • Стихи • Публицистика • Проза • Стихи • Публицистика • Проза • Стихи • Публицистика • Проза • Стихи • Публицистика

Литературная
АМЕРИКА

2

альманах - встреча

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артур Гинзбург
Виктория Кинг
Сергей Литвинов
Елена Логиновская
Петр Панасенко
Таисия Суворова
Мэри Кушникова

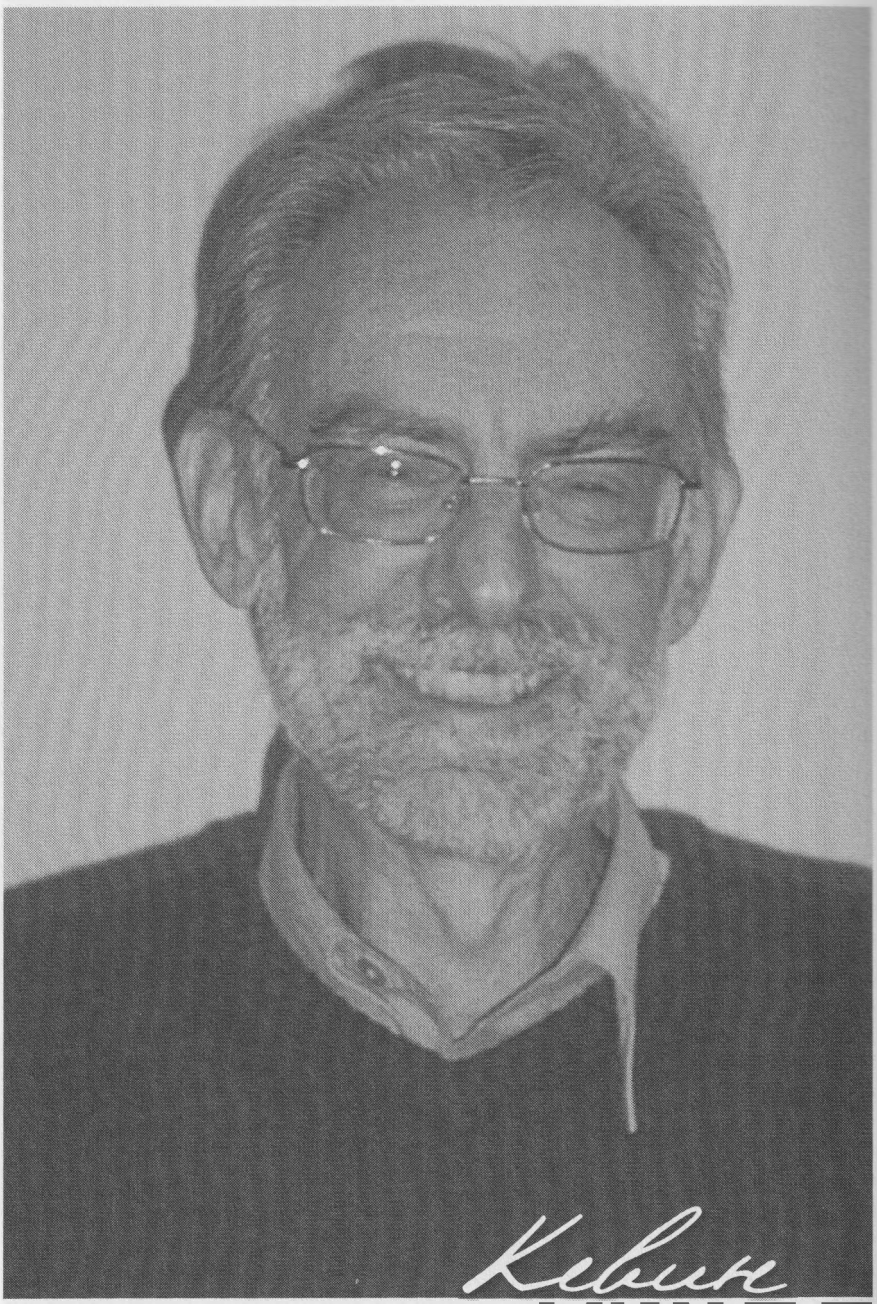
Издатель – **Виктория Кинг**
Главный редактор – **Таисия Суворова**
Дизайнер – **Елена Служаева**
panda_slu@mail.ru
Технический директор – **Филипп Пономарь**
ponomar.phillip@gmail.com

Адрес:
4555 Auburn Blvd., Sacramento, CA 95841
Телефон: (916) 241-4555
www.literaryamerica.org

Альманах подготовлен к печати
Русской библиотекой города Сакраменто (California, USA)
При поддержке
Издательского Дома «Афиша» (California, USA) и
Russia House Publishing (Georgia, USA)

Елена ГОВОР

Елена Говор — австралийский историк и писатель. Родилась в Минске, с детства была увлечена историей и литературой Австралии. Закончила Минский Институт культуры, затем работала в отделе Южно–тихоокеанских исследований Института востоковедения АН СССР в Москве. С 1990 года живет в столице Австралии, Канберре, и работает а Австралийском национальном университете. Здесь она стала доктором философии, написав диссертацию «Русские представления об Австралии, 1788–1919» и продолжает заниматься историей русско-австралийских контактов. Автор книг: «Библиография Австралии (1710–1983 гг.)», М., 1985; «Российские моряки и путешественники в Австралии», М., 1993 (совместно с А. Я. Массовым); «Австралия в русском зеркале: Меняющиеся представления (1788–1919)», Мельбурн, 1997; «Мой темнокожий брат: История Ильиных, русско–аборигенской семьи», Сидней, 2000; «Русские анзаки в австралийской истории», Сидней, 2005; «Двенадцать дней на Нуку Хиве: Контакты и бунт россиян на Тихом океане», Гонолулу, 2010. Сайт автора с публикациями http://elena.id.au



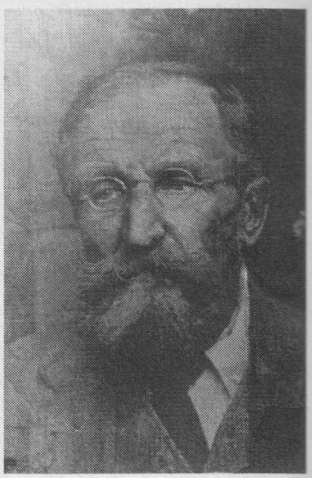
Кевин УИНДЛ

Кевин Уиндл родился в Лондоне и получил степень бакалавра в области русистики и славистики в Ливерпульском университете и степень доктора философии в Университете Макгилла (Канада). В настоящее время он заслуженный профессор в Школе литературы, языков и лингвистики в Австралийском национальном университете в Канберре. Многие годы он занимался переводами с разных языков, в том числе с русского; среди его переводов «Записки ружейного охотника» Сергея Аксакова, «Последний срок» Валентина Распутина, «Провинциальные анекдоты» и «Старший сын» Александра Вампилова. Последние десять лет он также занимается историей австралийско-советских и австралийско-русских отношений. Среди его публикаций книги Our Unswerving Loyalty: a documentary survey of relations between the Communist Party of Australia and Moscow, 2008 (с Давидом Ловеллом), The Oxford Handbook of Translation Studies, 2011 (с Кирстен Малмкер), биографическое исследование Undesirable: Captain Zuzenko and the Workers of Australia and the World (2012) и многочисленные статьи по истории русских политэмигрантов в Австралии.

ДВА НЕОБЫЧНЫХ ТОЛСТОВЦА В АВСТРАЛИИ

Штат Квинсленд, расположенный в тропической части Австралии, отнюдь не ассоциируется с представлениями о толстовстве – ни с идеями великого старца, ни как место для поселения его последователей. Напротив, Квинсленд являлся одним из центров большевизма в Австралии, но тем не менее небольшая группа проживавших в нем радикалов находилась под влиянием учения Льва Толстого и считала себя его последователями, хоть и недолговременными. Этот факт легко не заметить, поскольку ко времени революционного брожения в Брисбене, столице Квинсленда, в 1917-1920 годах, главные действующие лица нашего исследования перековались и предстают в документах австралийской полиции и служб безопасности совсем в другом свете. Тем не менее идеи Толстого, оказавшие такое сильное воздействие на его последователей и в России, и за рубежом, оставили свой след и в судьбах русских эмигрантов в Австралии, поселившихся здесь накануне Первой мировой войны. На судьбах двух из них, игравших важную роль в русской общине Квинсленда, мы и остановимся. Это были Николай Дмитриевич Ильин (1852[1]-1922) и Александр Михайлович Зузенко (1884-1938).

Николай Ильин родился в деревне Ильинка Саратовской губернии в семье мелкопоместных дворян, которые вели свое происхождение, согласно семейной легенде, прямо от Рюриков. Николай, рано потерявший отца, окончил Тамбовскую гимназию и поступил в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, бывшую одним из центров студенческого радикального движения. В 1872 году, не кончив об-



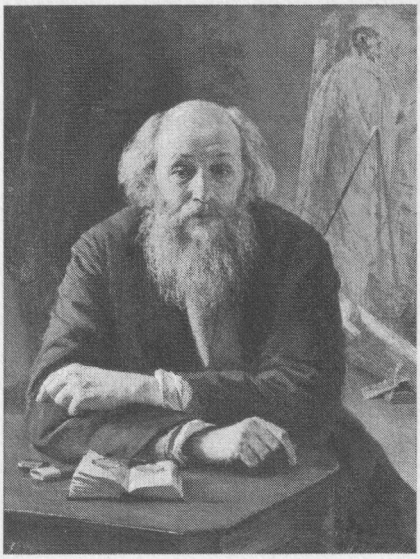
1. Николай Ильин

учения (хотя впоследствии он иногда был известен как «доктор»), Николай отправился в Соединенные Штаты Америки. Это было началом его бунта против своей семьи и ее устоев: вместо того, чтобы избрать освященную семейными традициями карьеру военного, он избрал путь борца за правду и справедливость. Впрочем капиталистическая Америка 1870-х тоже оказалась ему не по душе. Через полгода он вернулся к себе на родину, в Ильинку, где написал свою первую книгу «Шесть месяцев в Соединенных Штатах Северной Америки». Живя в деревне, он стремился искупить то чувство вины, которое он испытывал за свое «барское прошлое», и попробовал провести в жизнь свои народнические идеи, помочь своим бывшим крепостным крестьянам, но разорился сам и в 1876 году отправился в новый край, в Туркестан, недавно присоединенный к Российской империи. Десять лет службы чиновником по поземельному устройству и судебным следователем закончились столкновением с власть имущими и дали материал для его романа-обличения «В новом краю».[2] Ко времени его публикации он поселился в Петербурге, работая частным поверенным по судебным делам в Петербургском окружном суде, где он, по его собственным словам, «защищал интересы городской бедноты».

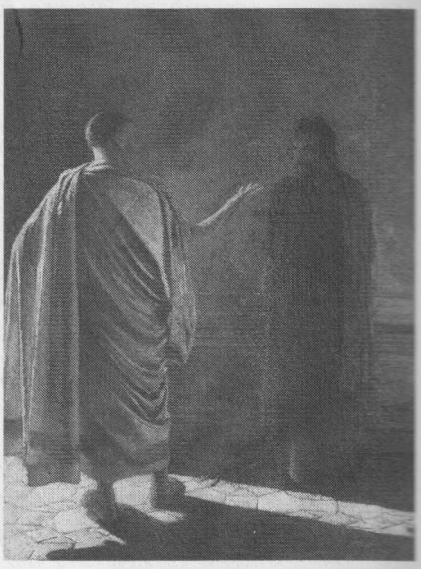
Умонастроения Ильина, его растущее неприятие и официального режима, и настроений в обществе были таковы, что он был готов принять философию толстовства, которая к концу 1880-х годов получала все большее распространение в России. В мае 1890 года Николай и его жена Александра, прочитав «Крейцерову сонату» Толстого, которая, несмотря на запрет властей, широко циркулировала в «самиздате», немедленно стали сторонниками толстовства. Николай писал о своих первых впечатлениях в те дни:

> *Третий день я провожу на даче в обществе жены и еще двух дам – наших близких знакомых. Все это время ушло на чтение недавно ставшей известною «Крейцеровой сонаты» и на бесконечные дебаты и разговоры по поводу прочитанного. Наша будничная жизнь пошла вверх дном; забываешь вовремя есть и пить; просиживаешь ночи до*

рассвета. Странное дело – каждый из нас в отдельности знал все, что написано Толстым, а между тем прочтение этой вещи открывает вам как будто новые, доселе неизвестные истины; сдергивает завесу с картин, скрывавшихся по соседству с вами, но остававшихся до того невидимыми... Да, нужно совершенствоваться; нужно переродиться; нужно стряхнуть с себя все наросты культурной фальши; соскоблить нечистое наслоение привычек и нравов современной цивилизации; очистившись, нужно обнажить в себе человека, действительно созданного по образу и подобию Божию. Какое счастье, что мы прозрели, пока дети наши малы; конечно, мы сразу не будем в силах переродиться... но детей наших мы сумеем сразу направить по чистому и прямому пути. [3]



2. Н. Ярошенко. Николай Ге.



3. Николай Ге. Что есть истина?

Увлечение Ильиных Толстым усилилось под влиянием их знакомства с еще одним толстовцем, художником Николаем Ге (1834-1894), часто бывавшем в Ясной Поляне, автором портретов Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и других. На выставке передвижников в Петербурге Николай Ильин увидел

картину Ге «Что есть истина?», изображавшую момент духовного противостояния Христа и Понтия Пилата. Это был удивительный Христос. В нем, казалось, не было ничего от традиционного образа Богочеловека – ни его торжествующей славы, ни его доброты, всепрощения и любви. Это была неприглядная фигура измученного, затравленного человека с изможденным лицом и слипшимися от пота волосами. Но это было отнюдь не реалистическое изображение страданий Христа. Главным в его лице были глаза, которые так поразили Николая. «Сквозь них из этого бессильного, тощего тела струилась такая нечеловеческая энергия, такое спокойное и непоколебимое сознание своей правоты и нравственной силы», – вспоминал он. Неканоническая интерпретация вызвала вмешательство обер-прокурора Святейшего Синода Константина Победоносцева, и картина была снята с выставки.

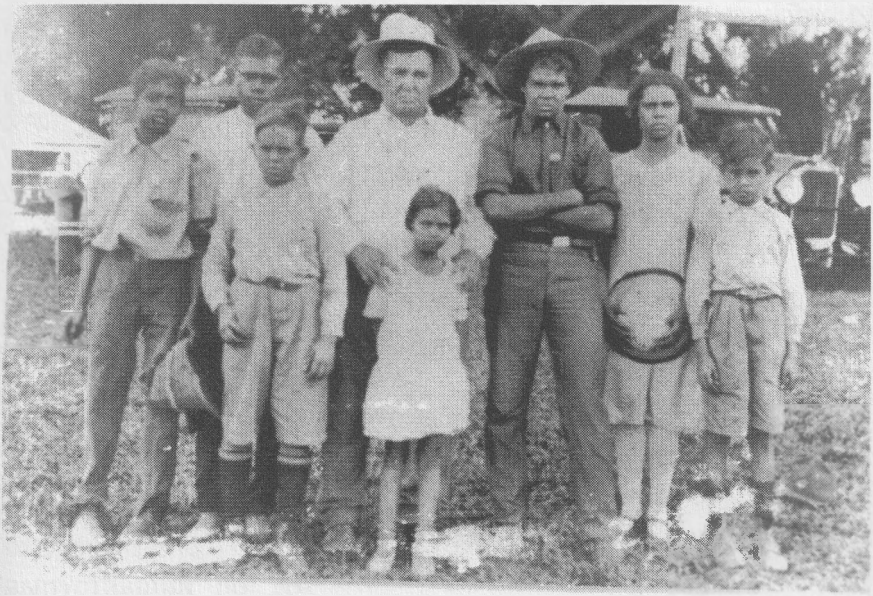
Картина произвела столь сильное впечатление на Николая Ильина, что он предложил Ге повезти ее на выставку в Европу и Америку, надеясь найти там благодарного зрителя. Оставив в Петербурге жену с кучей детей, Николай отправился в поездку со своим восьмилетним сыном Леандром. И Ге, и Толстой поддерживали семью Ильина, и Толстой даже писал о выставке своему американскому почитателю Джорджу Кеннану. Ильин экспонировал картину в Германии, Бельгии и в США (в Бостоне). Выставка, хотя и вызвала интерес публики, не принесла финансового успеха, и Ге пришлось выслать деньги Ильину на возвращение из Америки. Из поездки, длившейся девять месяцев, Николай вернулся совершенно разоренным и подавленным, и, почувствовав холодность со стороны Ге, который, как полагал Ильин, подозревал, что он проиграл деньги в карты, глубоко разочаровался в своих прежних кумирах Толстом и Ге. Результатом этого стала скандальная книга Ильина «Дневник толстовца», опубликованная в 1892 году. Правильнее было бы назвать ее дневник анти-толстовца; да и не дневник в полном смысле слова это был, так как книга явно писалась задним числом, хоть и по горячим следам событий. Главной целью этого псевдо-дневника было обличение Толстого и Ге в ханжестве и

лицемерии, в том, что они сами не следуют своему учению и отнюдь не снимают с себя последнюю рубаху, как это сделал Ильин во имя потрясшей его картины. Реакция современников не заставила себя долго ждать. В отзывах Ильи Репина Ильин фигурирует как «странный мечтатель», «шулер или психопат», «наивный мазурик»; анонимный критик полагал, что Ильин - это «мелкая натура, изъеденная самолюбием и снедаемая жаждой европейской славы»; сам Ге писал: «я думаю, что он не только неправильный человек, но что он просто ненормальный; он болен, иначе нельзя объяснить такую бестолковость при таких делах». Лев Толстой также полагал, что Ильин был сумасшедшим, добавляя, что «в сумасшествии, как в пьянстве, проявляется то, что таилось прежде».[4] Максим Горький впоследствии отзывался об Ильине, как о «сочинителе истерически злой книжки».[5] Авторитет Толстого в России был столь велик, что обличения Ильина, да и он сам скоро были забыты. Ильин, действительно, вскоре после публикации книги исчезает из общественной и литературной жизни России, и в собрании сочинений Толстого даже сообщается, что Ильин умер в 1895 году.[6]

Столетие спустя Елена Говор, занимаясь историей большой семьи австралийских аборигенов из северного Квинсленда, носивших фамилию Иллин, услышала от них предания об их русском предке, которого они называли «Деда». Они рассказывали, как он боролся за правду и был вынужден бежать из России. Кроме преданий у аборигенов сохранились русские рукописи «Деды», которые семья, хоть и давно утратив русский язык, хранила как величайшее сокровище. Они-то и позволили соединить в одно целое мифического «Деду» и исчезнувшего из Петербурга литератора Николая Ильина.

Оказалось, что вскоре после публикации «Дневника толстовца» Ильин должен был подвергнуться судебному разбирательству из-за растраты денег из общественной кассы. Чтобы избежать позора, он бежал за границу, закончив свои странствия в Патагонии, у подножий Анд. Здесь к нему после пяти лет разлуки присоединилась жена с детьми, которых они воспитывали в соответствии с идеалами трудовой жизни, занимаясь ското-

водством и охотой. Ильин мечтал о колонии единомышленников, и когда ему стало ясно, что Аргентина, с ее политической нестабильностью, не самое подходящее место для этого, он решил перевезти свою семью в Австралию, славившейся как страна передовых социально-экономических реформ и «рабочее царство». Так, в 1910 году, в год смерти Толстого, Ильины оказались на севере Австралии, на плато Атертон под Кэрнсом. Взяв участки «векового леса» – тропических джунглей – Ильин и его двое взрослых сыновей, Леандро и Ромелио, занялись расчисткой их под пастбище и сад. Земля эта издавна принадлежала местному племени аборигенов нгаджон, и когда Леандро полюбил аборигенку Китти и женился на ней вопреки господствующей в то время расовой сегрегации, он воплотил в жизнь те нравственные идеалы, на которых воспитывали их родители. Когда десять лет спустя Китти умерла, Леандро один воспитал их шестеро детей и стал борцом за права аборигенов, одним из первых белых австралийцев, не боявшихся публично назвать аборигена своим темнокожим братом. Потомки Китти и Леандро, число которых приближается к тремстам, хранят о

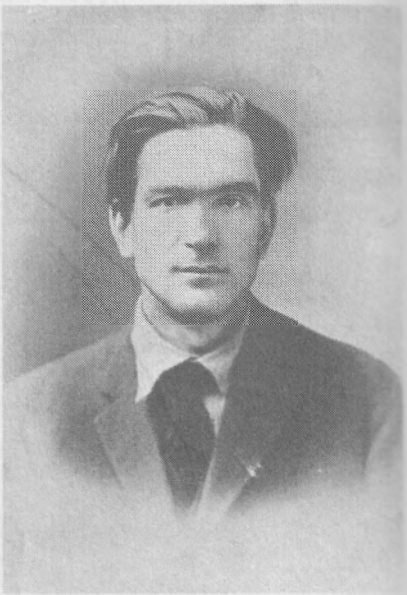


4. Семья Леандро Ильина в 1929 г.[7]

них благодарную память и находятся в рядах борцов за права аборигенов в современной Австралии.

Хоть и будучи оппонентом Толстого, Ильины, по существу, жили по его заветам. Одним из них была трудовая жизнь «с земли». Ее Ильины освоили в Патагонии, ее они продолжали и в Австралии. Вокруг их ферм скоро выросла русская колония, получившая название Маленькая Сибирь; в ней селились крестьяне, рабочие, политэмигранты, бежавшие в Австралию из сибирской ссылки. Что же до Толстого, то Николай Ильин ясно высказал свою позицию на станицах русской революционной газеты «Эхо Австралии», выходившей в Брисбене. Герои его притчи «Непротивление перед судом вышним» – грешник-обыватель и старец, «призывавший к непротивлению», которые предстали перед судом Всевышнего. Вердикт, касающийся обывателя: «Он был грешен, но старался исправиться. … Он сознавал свои недостатки и болел о них. Пусть возвратится, воплотится и в новой форме искупит грех свой». Старцу, в образе которого легко угадывается Лев Толстой, в оправдании отказано.[8]

История Александра Зузенко была предметом исследования Кевина Уиндла, и здесь мы приведем лишь краткую сводку его путешествий и приключений.[9] Зузенко родился в Риге в 1884 году, в пятнадцать лет он начал служить на кораблях, вскоре вступил в партию эсеров. Во время первой русской революции 1905 года он был активным членом боевой организации эсеров, организуя забастовки в Риге и участвуя, как он впоследствии утверждал, в террористических актах; некоторое время он находился



5. Александр Зузенко

в заключении в Рижской тюрьме. В 1911 году он прибыл в Австралию через Лондон и последующие семь с половиной лет провел на севере континента на постройке железных дорог и рубке сахарного тростника. В это время он стоял на позициях анархизма и активно участвовал в рабочем движении, будучи агитатором, руководителем забастовок, журналистом и другом большевика Артема (Федора Сергеева), который стал героем романа «Народный поезд» известного австралийского писателя Томаса Кенилли.[10] О Зузенко, как и об Артеме, нередко писали и советские писатели, хотя и в несколько завуалированной форме, обычно меняя его имя. После участия в деятельности организации "Индустриальные рабочие мира" (ИРМ), в 1918 году Зузенко возглавил "Брисбенский Союз российских рабочих", занимавший в то время революционные позиции. В апреле 1919 года он был депортирован из Австралии в Россию за участие в манифестации под красными флагами в Брисбене, за которой последовал погром в русских кварталах города со стороны лоялистских сил. Вслед за Зузенко власти депортировали из страны его юную беременную жену Цецилию. В Турции они воссоединились и, в хаосе гражданской войны, пробрались в Одессу, где и родилась их дочь Ксения. Согласно семейному преданию, когда они с маленькой дочерью появились на конгрессе Коминтерна, Ленин взял Ксению на руки, воскликнув: «Вот кто увидит плоды нашей революции!»

Живя в СССР, Зузенко, хоть и любивший рассказывать о своих приключениях в Австралии, редко говорил о Николае Ильине, но, как оказалось, на протяжении некоторого времени они были в близких отношениях. Ильин, выпустивший по до-

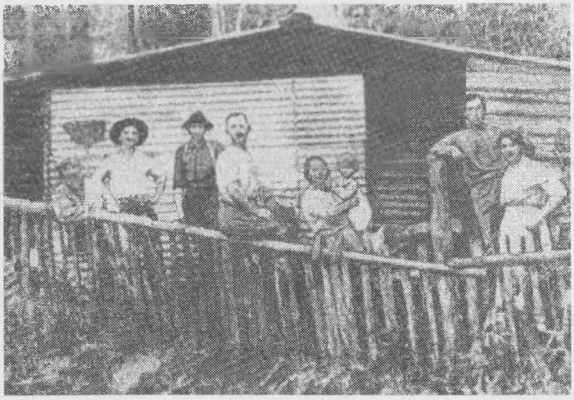
6. Семья Зузенко

роге в Австралию, в Париже, сборник своей революционной поэзии «Песни земли», и публиковавший стихи в «Эхе Австралии», рассматривался многими как духовный лидер русской общины в Австралии, хотя он и не предпринимал никаких шагов к практическому руководству. В 1912 году Союз российских эмигрантов направил его сына, Леандро, на Северную территорию в качестве ходока, исследовавшего возможности создания там русской колонии. Из этой затеи ничего не получилось, и Ильины продолжали трудиться на своих фермах на плато Атертон, где вокруг постепенно росла Маленькая Сибирь. Николай Ильин в то время редко покидал свою ферму, Зузенко же был в постоянном движении, посещая места, где трудились русские иммигранты: плантации сахарного тростника на северном побережье Квинсленда, поселки шахтеров и лагеря строителей железных дорог.

Его знакомство с Ильиными упоминается в повести Константина Паустовского «Блистающие облака». Паустовский, подружившийся с Зузенко в 1923-1924 годах, нередко использовал рассказы Зузенко в своих произведениях, утверждая, что он

7. Александр Зузенко (сидит в центре) на рубке сахарного тростника

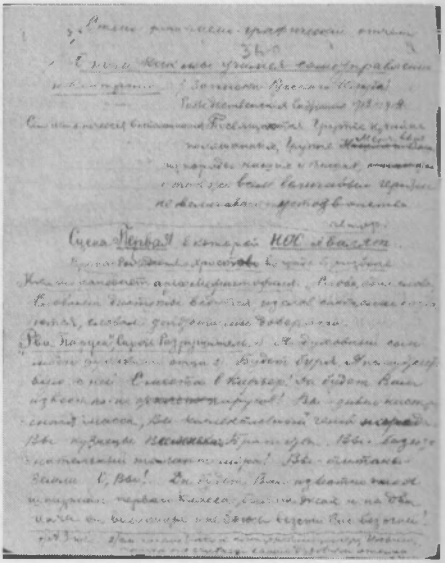
ничего не присочинял и писал только то, что слышал от самого Зузенко.[11] Зузенко, конечно, не чужд был некоторой доли живописания в байках о своих австралийских приключениях, но большинство деталей в них вполне правдоподобны. В «Блистающих облаках» герой, капитан Кравченко, создает вполне узнаваемый образ Николая Ильина, хотя и не называя его по имени: «на севере Австралии, где ещё не вымерли дикари, жил русский врач, старик. Мы, австралийцы, прозвали его Львом Толстым. Он был нашим советчиком. У него был в лесу участок земли, он с сыновьями обрабатывал его и жил фермерством. Кругом леса: не леса, а стены – не продерёшься.[12] Кравченко отправляется к нему с «делами от русской колонии», но это практически все, что он сообщает об Ильиных – сама байка посвящена феноменальным способностям аборигенов, которые могут учуять запах табачного дыма за много километров. Характеристика Николая Ильина как врача имеет своим истоком его незаконченное обучение в Медико-хирургической академии, а вот тот факт, что, несмотря на свою критику Льва Толстого, Ильин тем не менее воспринимался русскими как «Лев Толстой», толстовец, заслуживает внимания. Сходным образом о нем пишет и их сосед по ферме Михаил Гадалов: «Мне в Брисбене пришлось познакомиться с выехавшим из Аргентины Н.Д. Ильиным (автор «Дневника толстовца» и др.)».[13] Очевидно ассоциация Ильина с толстовством (ведь саму скандальную книгу едва ли кто не читал) воспринималась его земляками в Австралии как нечто положительное, и образ толстовцев в применении к Николаю и его семье подкреплялся и их физическим трудом на ферме.



8. Семья Ильиных на ферме, 1912 г.

Товарищ Зузенко Герман Быков, из-

вестный в Австралии под псевдонимом Резанов, тоже свидетельствует о контактах между Ильиным и Зузенко. Быков, как и Зузенко, был моряком и земляком Ильина, происходившим из той же Саратовской губернии. Быков прибыл в Австралию в 1916 году и, работая кочегаром на кораблях, поставлял интересные корреспонденции из разных мест в русскую газету Союза российских рабочих. Впоследствии он выдвинулся в лидеры Союза и после депортации Зузенко издавал нелегальную газету «Набат»; впрочем, вскоре и его самого депортировали. В политическом плане у него были некоторые расхождения с Зузенко, но в марше под красными флагами 23 марта 1919 г. он шел с Зузенко плечом к плечу во главе колонны; оба они были арестованы австралийским властями. За несколько недель до этих судьбоносных событий Быков написал юмористическую пьесу для Рождественского вечера Союза. Текст ее попал в руки австралийских служб безопасности во время ареста Быкова вместе с его бумагами и сохранился в Национальном архиве Австралии. Пьеса, с почти ленинским названием «О том, как мы учимся самоуправдению и контролю», представляет собой шарж на заседание руководства Союза. Зузенко в ней выведен этаким бесшабашным ниспровергателем старого мира под именем «Рви паруса», он же «Великий разрушитель». В примечании Быкова упоминается «письмо З-ко контрреволюционеру Ильину, которого он считает своим духовным отцом».[14]



9. Страница из Рождественской пьесы

Письмо Зузенко Ильину не сохранилось, но из документов, перехваченных австралийской военной цензурой, очевидно, что Зузенко

заявил Ильину, что он больше не может считать его своим «духовным отцом». Быков, работая над пьесой, обратился к Ильину, чтобы из первых рук узнать, что вызвало их конфронтацию. Ответ Ильина, датированный 24 апрелем 1919 г. (к этому времени и Быков и Зузенко уже были арестованы[15]), подтверждал факт визита Зузенко на ферму к Ильиным, о котором рассказывал Паустовский: Ильин писал, что Зузенко останавливался у них на несколько дней в 1913 году, и у них был долгий разговор. Вскоре после этого Зузенко написал Ильину, что отныне он считает его своим «духовным отцом». В то время у Ильина сложилось мнение, что его гость был отнюдь не радикальным революционером: «Во время беседы он не казался мне экстремистом, его идеалы были умеренными и разумными»; Ильин добавлял, что он «был очень удивлен, когда он присоединился к эстремистской толпе, программа действий которой лежит за пределами здравого смысла». Более того, Ильин, заявляя, что он чувствует отвращение и к большевизму, и к анархизму, писал, что Зузенко «не имеет права называть его своим духовным отцом. Люди, которые разрушают не созидая, никогда не будут близкими мне по духу».

Размежевание между Ильиным и Зузенко произошло во второй половине 1918 года и было вызвано убийством большевиками царской семьи в Екатеринбурге. Ильин, возмущенный этим убийством, написал открытое письмо в местную газету «Кэрнс пост».[16] Он признавался:

> *Я всегда был врагом монархии в том виде, как она существовала в России во времена Николая II и его предшественников. Я стоял горой за демократизацию страны и за свободу для народа. Я ненавидел привилегированные классы, которые губили и мучили цвет русского народа – людей, боровшихся за свободу и реформы. ... Я был непримиримым врагом царизма, царя, но не лично Николая II.*

Поддержав февральскую революцию и временное правительство, Ильин не мог оправдать хладнокровное убийство большевиками царской семьи. Его публичное выступление вызвало ответную реакцию пробольшевистски настроенных членов Со-

юза. Плотник Джордж Токарев из Кэрнса с негодованием писал тому же Зузенко, что он готов был «выпороть» Ильина, «эту грязную собаку, написавшую такую возмутительную дрянь».[17] Зузенко, к тому времени лидер Союза и редактор его газеты, выступил с осуждением Ильина и категорически заявил, каковы бы не были их отношения в прошлом, отныне они не имеют ничего общего. «Духовный отец» и «духовный сын» полностью размежевались и между собой и с идеями великого старца из Ясной Поляны.

Какова же тогда была духовная или идеологическая позиция Зузенко в этот период? Быков, как мы видели, высмеивает его в своем шарже под именами «Рви паруса», «Великий разрушитель» и «Его анархическое величество», полагая, что у Зузенко не было ясных идеологических принципов в противоположность самому Быкову, придерживавшемуся ортодоксального большевизма (себя в пьесе Быков выводит как голос разумного пролетарского большевизма). В его пьесе Зузенко заявляет: «Толстой и Христос были революционерами и не признавали Кесарево Право. И они погибли борцами за освобождение Рабочего Класса, за анархический коммунизм».[18] Примерно в то же время Быков писал в неопубликованной статье, которую он готовил для русской газеты, издававшейся в Австралии «Знание и единение»: «З[у]зенко и Горский неудачно пытались уверить товарищей, что большевизм есть анархический коммунизм. Я доказал, что это просто абсурд. Большевики – социалисты-государственники. Анархисты же – безгосударственники и безвластники.»[19]

Однако, если это и верное представление позиции Зузенко в начале 1919 года, его собственные статьи свидетельствуют, что вскоре он отошел и от анархизма, с его поклонением Бакунину и Кропоткину, и от своего мимолетного увлечения толстовством. О своем расхождении с анархизмом он писал в статье под псевдонимом Матуличенко в Нью-Йоркской газете «Новое русское слово» в 1921 году.[20] Его отказ от толстовства ясно прозвучал в рассказе «Закон клыка и дубины», написанным им вскоре после возвращения в Советскую Россию. За свою жизнь Зузенко напи-

сал немало, но в основном это были публицистические статьи в газетах или отчеты в Коминтерн, здесь же мы имеем дело с образцом его литературного творчества. Это своего рода притча, которая по его мнению, отражала австралийский образ жизни.[21] Герой рассказа, Лавров, – тихий и забитый работяга, работавший на шахте в Квинсленде. Он безропотно терпит унижения, но будучи распропагандированным своим сознательным товарищем, он хватает лом и убивает своего мучителя, заносчивого десятника, – исход, которого пропагандист никак не ожидал.[22] Идея Зузенко проста: Библия, христианская доктрина и Толстой неправы! Не надо подставлять левую щеку. Непротивление злу – не выход. Рабочие должны отстаивать свои права и бороться против своих притеснителей.

В 1922 году, путешествуя по Америке в качестве агента Коминтерна, Зузенко побывал в общине, принципы которой в прежние времена могли бы показаться ему близкими. Это были русские духоборы, переселившиеся на юг Британской Колумбии благодаря материальной помощи, оказанной им Толстым. Попал он к ним по пути из Москвы в Австралию, застряв в Америке во время стачки моряков. Ожидая возобновления движения морских кораблей, он занялся сбором средств для помощи голодающим в России, а также содействовал деятельности обществ технической помощи молодой Советской республике. Целью его поездки к духоборам была попытка уговорить их вернуться в Советскую Россию, где их сельскохозяйственный опыт мог бы помочь организации сельских коммун и, как он полагал, дал бы «хорошую силу в деле коммунизации деревни, в деле пропаганды коммунизма действием». Он посетил поселение духоборов в Бриллианте, в Британской Колумбии, выступил на большой сходке и провел дебаты с Петром Веригиным, известным лидером духоборов. Веригин, по отзыву Зузенко, «хитрый, властный и честолюбивый старик», притворился заинтересованным, но не замедлил сообщить о появлении советского агента в полицию, в результате чего Зузенко пришлось срочно ретироваться, чтобы не попасть за решетку.[23]

К тому времени, когда Зузенко наконец-то добрался до Ав-

стралии во второй раз, в 1922 году, бурные годы успеха австралийского радикализма, вызванного к жизни Первой мировой войной и русской революцией, уже ушли в прошлое. Австралия уже отнюдь не была «Ахиллесовой пятой британского империализма», и разжечь пожар революции ему не удалось. И, хотя он был незамедлительно арестован и депортирован, он мог найти удовлетворение в том, что службы безопасности Австралии и Великобритании еще несколько лет обсуждали в парламенте «опасного» и «неистового агитатора».[24] Сам Зузенко к этому времени далеко ушел от идеалов толстовства, и когда в 1920-х годах он стал советским капитаном, водившим корабли из Ленинграда в Лондон, он уже был убежденным большевиком; даже членам своей семьи он, как кажется, не говорил о своем прежнем членстве в других партиях – ни в партии эсеров, ни в ИРМ. Незадолго до своего ареста в апреле 1938 года, он, по словам жены, прозрел: «Я не удивлюсь, он сказал, что мы проснемся однажды утром, а у нас будут развеваться фашистские флаги. Это же фашизм, говорит, что у нас происходит», - вспоминает Цецилия его слова в интервью австралийскому историку Эрику Фриду. Осужденный как английский шпион, Зузенко был расстрелян в августе 1938 года на Бутовском полигоне, разделив судьбу миллионов жертв коммунизма, которые некогда так же, как и он, искали пути к счастью человечества. В братской могиле с ним лежит и дед Елены Говор, писатель Артем Веселый.

10. Капитан Зузенко

Что же до Николая Ильина, то ему стало очевидно гораздо раньше, что благие идеи

его молодости – народничество, толстовство, и очистительная революция – привели к власти тиранию в лице большевиков. Чтобы как-то помочь своей страдающей родине, Николай задумал основать колонию для русских беженцев от революции. Однако Австралия, где общество и власти соединились в своем неприятии русского радикализма и большевизма, проводниками которого были Зузенко и Быков, теперь была отнюдь не подходящим местом для такой затеи. И семидесятилетний Николай со своей семьей, правда без Леандро, оставшегося в Австралии со своей женой-аборигенкой и детьми, отправился в новый путь, в Центральную Америку, в Гондурас, где он надеялся расселить тысячи русских беженцев. Этот план не увенчался успехом: в 1922 году, через полгода после прибытия туда, он умер, и его последним заветом своим детям было - вернуться когда-нибудь в Россию и напечатать там его книги. Они не смогли этого сделать, но его потомки, которые ныне живут в Австралии, США и Америке, свято хранят память о своем «Деде», идеалы которого, разбуженные Христом Николая Ге, провели его семью через три континента.

... В 2007 году, лет девяносто пять спустя после первой встречи Зузенко и Ильина, Елена Говор принимала у себя дома Кевина Уиндла и Ксению Александровну Зузенко, которая впервые приехала в Австралию по стопам своего отца и рассказывала нам историю с табаком и аборигенами – ту самую, что описана у Паустовского и которую она слышала от отца. И тут на огонек к нам зашел Эрни Хулихэн, правнук Николая Ильина, как раз гостивший в Канберре. Мы долго сидели за столом во дворе, пили чай и разговаривали о прошлом. Незаметно подкрались сумерки, затихли крики мэгпаек и пересвист розелл, и на небе зажглись первые звезды. И грустно было, что наш «век-волкодав» позволил Ксении, депортированной из этой страны в утробе ее матери, только сейчас побывать на своей «родине», и что темнокожий Эрни, всю жизнь считавший себя русским, так и не смог ступить на землю родины его предков. Когда мы спохватились сделать фотографии, уже совсем стемнело, но нам этот снимок дорог

памятью о том далеком теплом вечере, соединившем разорванные нити.

11. Эрни Хулихэн, Елена Говор, Ксения Зузенко и Кевин Уиндл, 2007 г., Канберра

[1] Эта дата рождения представляется наиболее достоверной. Она имеется в послужном списке Николая и в его заявлении на натурализацию в Австралии. Он сам, как кажется, пытался ввести в заблуждение своих будущих биографов, указав, что он родился в 1849 г. в своей автобиографии для «Русского биографического словаря» и в предисловии к «Песням земли». [2] Н. Ильин В новом краю. Роман-хроника. Из времен завоевания Туркестанского края. – Книжки «Недели», 1886, № 1-11. [3] Н.Д. Ильин. Дневник толстовца. СПБ, 1892, с.14-15. [4] И.Е. Репин. Далекое близкое. М.: Искусство, 1964, с. 320; И.Е. Репин. Письма к писателям и литературным деятелям. М.: Искусство, 1950, с. 89; Северный вестник, 1892, № 6, с. 75–79; В. Стасов. Николай Николаевич Ге. М., 1904, с. 346; Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 88, с. 200. [5] М. Горький. О С.А. Толстой. – В кн.: М. Горький. Воспоминания. Рассказы. Заметки. Берлин: Книга, 1925, с.30. [6] Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 65, с. 142, т. 51, с. 225 (комментарии). [7] История Ильиных рассказана в книге Elena Govor. My Dark Brother: The Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family. Sydney: UNSW Press, 2000. [8] Н. Ильин. Непротивление перед судом вышним. – Эхо Австралии, 1912, № 4, 18

июля, с.2-3; № 5, 25 июля, с. 2-3. [9] *Kevin Windle. Undesirable: Captain Zuzenko and the Workers of Australia and the World. Melbourne: Australian Scholarly Publishing, 2012.* [10] *Tom Keneally. The People's Train. Sydney: Viking, 2009.* [11] *К. Паустовский, письмо Р.Э. Заборовскому, цитируется в статье: Альберт Измаилов, Строптивый и добрый человек. – В кн: К.Г. Паустовский: материалы и сообщения, сборник, Выпуск 4, Персонажи и герои книг К. Паустовского, Книга 1, Мир Паустовского. Москва, 2007, с.89.* [12] *Константин Паустовский, Собрание сочинений, Москва, 1957, т. 1, с.298.* [13] *М. Гадалов. Русские эмигранты в Австралии. – Далекая окраина, 21 августа 1911, с. 2.* [14] *О том, как мы учимся самоуправлению и контролю. – National Archives of Australia (NAA), BP4/1, 66/4/2165, 'Papers relating to miscellaneous events involving the use of a red flag', л. 360. См. также Kevin Windle. ' "Unmajestic Bombast": The Brisbane Union of Russian Workers as Shown in a 1919 Play'. – Australian Slavonic and East European Studies, т.19, № 1-2, 2005, с. 29-51.* [15] *N. Illin to A. Resanoff, 24 April 1919. – NAA, A6286, 1/126 (QF3859).* [16] *Nicholas Illin, 'A Russian on Russia', Cairns Post, 4 October 1918.* [17] *G. Tokareff to A. Zuzenko, 22 October 1918. – NAA, A6286, 1/76 (QF2277).* [18] *О том, как мы учимся самоуправлению и контролю...* [19] *A. Rezanov [Bykoff], Русь австралийская. – NAA BP4/1, 66/4/2165.* [20] *А. Матуличенко [Зузенко]. Как я, анархист, стал ленинцем: несколько слов о теории и практике революции. – Новое русское слово, 16-18 февр. 1921.* [21] *Закон клыка и дубины. Машинопись из архива Ксении Александровны Зузенко.* [22] *История основана на подлинном случае когда Алик Якунин, обвиненный в убийстве, предстал перед судом в Клонкарри в 1916 г. См. Kevin Windle, 'Murder at Mount Cuthbert: a Russian revolutionary describes Queensland life in 1915-1919', AUMLA, № 110, 2008, с. 53-71. Зузенко несомненно вывел себя в качестве рассказчика истории, несколько преувеличив свою роль в событиях.* [23] *А.М. Зузенко – ИККИ, 28 февраля 1923 г. – РГАСПИ, Документы Коммунистического Интернационала, ф. 495, оп. 94, д. 18, л. 1-17.* [24] *John Latham in Federal Parliament. Commonwealth of Australia: Parliamentary Debates, т. 112, 1926, с. 461 и след.; Senator George Foster Pearce in Federal Parliament, Commonwealth of Australia: Parliamentary Debates, т. 112, 1926, с. 1203 и след.*